

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Будагов Р. А. Сходства и несходства между родственными языками. Романский лингвистический материал / Отв. ред. Степанов Г. В. М.: Наука, 1985. 272 с.

Новая книга Р. А. Будагова производит сильное впечатление. И прежде всего потому, что автор, рассматривая казалось бы очень конкретные вопросы о сходствах и несходствах в грамматике близкородственных (романских) языков, в действительности сосредоточил свое внимание на методологических проблемах современного языкознания. Эти проблемы, обсуждающиеся с присущей Р. А. Будагову фактологической и библиографической эрудицией, лингвистической точностью, стилистическим изяществом и полемической страстностью, не могут оставить равнодушным языковеда любой специализации и любой научной школы. Ценность книги Р. А. Будагова состоит также в том, что выбранные автором дискуссионные проблемы немедленно вызывают в памяти читателя и другие острые вопросы современной лингвистики. Учитывая это обстоятельство, я позволяю себе обсуждать книгу в широком контексте теории и практики нашей науки.

В начале первой главы «Общие проблемы» Р. А. Будагов напоминает о том, что «для лингвиста язык — это прежде всего... „практическое действительное сознание“ (К. Маркс и Ф. Энгельс), „важнейшее средство человеческого общения“ (В. И. Ленин)» (с. 6—7). Трудно, конечно, представить себе советского языковеда, который подвергал бы сомнению этот основной постулат марксистско-ленинской лингвистической методологии, — постулат, с изложения которого начинается формирование лингвистического мировоззрения будущих языковедов и учителей-словесников [1]. Однако детальное обсуждение поднятого Р. А. Будаговым вопроса о соотношении общественных функций и онтологической сущности языка с его семиотическим устройством, а также социально-историческим аспектом и художественными функциями является исключительно актуальным. Это четко обнаруживается, если мы обратимся к разному роду прикладным лингвистическим исследованиям, выполняемым в рамках важных народнохозяйственных и

культурно-социологических проектов. Дело в том, что за решение лингвистических вопросов здесь берутся зачастую математики, физики, инженеры, физиологи, психиатры, логики, специалисты по педагогике, не до конца отдающие себе отчет в том, что центральная социальная (коммуникативно-экспрессивная) функция языка может реализовываться только с помощью двусторонних психических объектов-знаков. Речь идет о таких объектах, которые одновременно замещают в сознании коммуникантов как предметы внешнего мира (референты), так и соответствующие этим последним физические сигналы. Пренебрегая важнейшим свойством асимметрии знака, многие незадачливые разработчики информационно-лингвистических систем вместо того, чтобы моделировать семиотические объекты естественного языка, рассматривают их как унитарные сущности, которые можно якобы «резать на куски», «склеивать» и т.п. При таком подходе создать информационно-лингвистические системы, естественно, никому не удавалось.

К сожалению, не только в прикладных, но и в теоретических исследованиях отмечается пренебрежение к знаковой специфике естественного языка, обеспечивающей его основную функцию — быть универсальным средством хранения и передачи информации. Примером этого могут служить те лингвистические сочинения, в которых, как указывает Р. А. Будагов (с. 7—9), обнаруживаются неправомерные попытки отождествить логику и естественный язык, искусственные языки, представляющие собой закрытые номенклатуры или исчисления, и открытый естественный язык (с. 81—82). Эти понятия, являющиеся, вероятно, результатом неучета хрестоматийного положения об асимметрическом дуализме языкового знака (с. 81), идут вразрез с одним из главных положений марксистско-ленинской теории познания (о нем нам напоминает Р. А. Будагов на с. 46 и 137). Согласно этому положению, «...если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпа-

Дали, то всякая наука была бы лишняя...» [2]. О реализации этой идеи в языковедческих исследованиях должен помнить каждый языковед, будь то теоретик или практик.

Чем же все-таки объяснить тот факт, что лингвисты недостаточно помогают представителям других дисциплин в разработке важных научных и научно-технических проблем, находящихся на стыке языкознания и других общественных, а также естественных и технических наук? Ответ на этот вопрос мы находим (хотя и в неявном виде) в рецензируемой книге Р. А. Будагов называет три исследовательских позиции, которые выбирают современные языковеды. «Одни ученые, — пишет автор, — выдвигая свою концепцию, свое понимание языка и его функции..., как бы приглашают коллег принять участие в диспуте. Это — позиция дискуссий. Другие стремятся „усовершенствовать“ уже существующие теории языка, внося свой посильный вклад в процесс приближения к истине. Это — позиция совершенствования. А вот ученые „третьего типа“ хотят... затмить своих предшественников..., изобразить их в смешном виде, приписать им нелепые идеи...» (с. 5). Эту позицию Р. А. Будагов называет вслед за К. и Ф. Вёгглиными «позицией затмения».

«Распределение» лингвистов по трем указанным позициям существовало, разумеется, во все времена. Однако вызывает беспокойство тот факт, что первые две позиции, требующие от языковеда систематических и глубоких знаний и постоянной внутренней потребности к кропотливому поискам истины, к сожалению, не пользуются среди наших лингвистов, особенно молодых, слишком большой популярностью. Действительно, решимся ли мы утверждать, что самобытные, оригинальные и фундаментальные монографии таких наших современников, как И. М. Дьяконов, Г. П. Мельников, Ю. С. Степанов, О. Н. Трубачев, А. М. Щербак (этот список можно, разумеется, продолжить), стали настоящими книгами каждого нашего языковеда? Не говорю уже об открытиях, сделанных молодыми отечественными учеными [3—6]. Такие открытия остаются, к сожалению, долгое время неизвестными нашей широкой лингвистической общественности. Зато бойко расходятся сочинения, реализующие «позицию затмения». Такие сочинения чаще всего не содержат оригинальных теоретических осмыслений собственных экспериментальных результатов, а являются пересказом ставших популярными в данный момент идей некоторых наших современников (скажем А. Вержбицкой либо Ч. Филлмора) или уже умерших филологов-«классиков» (скажем, М. М. Бахтина).

Само собой разумеется, что навык чтения литературы по специальности, в том числе на иностранных языках, является обязательным условием деятельности лингвиста. Однако это условие нельзя считать достаточным для того, чтобы получить новые лингвистические результаты. Таким условием является владение как традиционными, так и новыми методами, позволяющими лингвисту самостоятельно добывать и анализировать достаточно большие массивы языковых и речевых фактов. Ведь, как подчеркивает Р. А. Будагов, «...лингвистическая теория, не опирающаяся на конкретный материал разных (разряда наша. — П. Р.) языков, обычно оказывается мертворожденной теорией» (с. 267).

Пренебрегая этой простой истиной, некоторые языковеды заражаются «импортной чумой», о которой говорил на XXVII съезде академик А. П. Александров [7], и сосредотачивают свои усилия на неразборчивом пересказывании сочинений модных зарубежных авторов, внося в лингвистический оборот много случайной и малопольной научной информации (об этом подробно говорит Р. А. Будагов на с. 91, 130—131 своей книги). В связи с этим вспоминается предостережение директора Центра прикладных исследований США Р. Тройке по поводу возможностей прикладного применения модных в 70-е годы идей трансформационной грамматики. Р. Тройке писал: «...интересно отметить, что трансформационные лингвисты, которых общественное мнение обычно связывает с компьютерами, практически не имеют отношения к машинному переводу» [8]. Кстати, какой большой урон понесла бы наша информационная индустрия, если бы развитие машинного перевода пошло по туиковому пути генеративной грамматики, пути, на который необдуманно направляли нашу инженерную лингвистику поклонники идей Н. Хомского. Таким образом, бездумное внедрение модных идей далеко не безобидно. Помню путаницы в планировании научных исследований и других издержек, о которых говорится в рецензируемой книге (с. 14, 32, примеч. 3 и 4, 59, 139—141 и др.), неразборчивое и поспешное поглощение модной терминологии и информации ведет к привелировке и игнорированию полезных научных результатов, которые получены у нас в стране. А это, в свою очередь, может повлечь опережающее использование наших результатов за рубежом [9—10]. Всех этих вопросов, правда, в ретроспективном плане, касается Р. А. Будагов в заключающем рецензируемую книгу Приложении: «Мы должны знать историю советского теоретического языкознания» (с. 255—268).

Большой интерес для каждого языкове

да и особенно для романиста представля-
ют главы II—IV, посвященные пробле-
мам сравнительно-сопоставительного
изучения словообразования, а также син-
таксиса предложения и словосочетания
в романских языках, вопросам модаль-
ности, дейксиса, функций артикля.

Обращая внимание не только на сход-
ства, но и на тонкие различия между ро-
манскими языками в семантико-синтак-
сической трактовке главных граммати-
ческих категорий романского имени и гла-
гола, Р. А. Будагов поднимает важный
методический вопрос об определении меры
схождения и расхождения между отдель-
ными романскими языками. При этом ав-
тор указывает, что механический подсчет
черт, которые являются общими для той
или иной пары романских языков, не мо-
жет дать исчерпывающего ответа на во-
прос о том, насколько рассматриваемые
два языка близки друг другу по сравнению
с другими романскими языками. Необхо-
димо учитывать, говорит автор, «у д е л ь н ы й в е с каждой подобной „черты“ в
системе каждого языка» (с. 136). Но по
какому принципу нужно определять этот
вес? Следует ли применять с этой целью
информационные измерения текста [11]
или нужно искать решения в диахрони-
ческом и глоттохронологическом срав-
нении этих черт с аналогичными чертами
древних романских языков и реконстру-
ируемой протороманской речи? Ответа
на этот вопрос мы пока не имеем.

Хотя в целом текст книги подготовлен
к печати достаточно тщательно, можно
указать на отдельные опечатки в примерах
и именах собственных. Часть из них при-
водит к смысловым неувязкам. Ср., напри-
мер: рум. *Mos Goriot* (с. 158, примеч. 93),
букв. «стакан Горио» вм. *Moș Goriot* «па-
паша Горио»; франц. *j'armerai* (с. 240)
«я вооружу», очевидно, вм. *j'aimerai*
«я люблю», поскольку дальше в тексте
идет *je vais aimer*, а не *je vais armer*; исп.
estoy trabajo (с. 34) вм. правильного *estoy*
trabajando «я работаю»; нем. *enziclopädi-*
schen вм. *enzyklopädischen* (с. 52, примеч.
36); Л. Брумфида (с. 78, примеч. 81) вм.
Л. Блумфида. Целесообразно было бы
везде пользоваться при записи румынских
примеров современной орфографией, т. е.
писать *voi cinta, stăpin, stăpîni, pămînt*
и др. вм. *voi cănta, stăpân, stăpâni, pămînt*
(с. 111, 117, 158).

Разумеется, большинство этих замеча-
ний адресовано не столько автору, сколь-

ко техническому редактору и рецензен-
там книги.

Подводя итог, хочу еще раз сказать,
что книга Р. А. Будагова представляет
собой большой вклад в отечественную
романистику и теорию языка.

Пиотровский Р. Г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Программы педагогических институ-
тов. Введение в языкознание (для спе-
циальности № 2103 «Иностранные
языки»). М. 1983. С. 5—6.
2. Маркс К. Капитал. Критика полити-
ческой экономики // Маркс К., Энгельс Ф.
Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 384.
3. Arapov M. V., Cherc M. M. Mathema-
tische Methoden in der historischen
Linguistik. Bochum, 1983.
4. Т. Садыков. Моделирование киргиз-
ской именной морфологии: Автореф.
дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981.
5. Спивак Д. Л. Лингвистика изменен-
ных состояний сознания. Л., 1986.
6. Spivak D. L. Artificially induced al-
tered states of consciousness (observati-
ons during insulin therapy) and their
linguistic correlates // Human physiolo-
gy. 1980. № 1—2.
7. Обсуждение Политического доклада
Центрального Комитета КПСС XXVII
съезду партии и отчетного доклада Цен-
тральной ревизионной комиссии КПСС.
Речь товарища Александрова А. П. // *Правда*. 1986. 27 февр.
8. Troike R. The future of MP // *Ameri-
can journal of computational linguis-
tics*. 1976. V. 13. № 6. P. 45.
9. Knowles F. E. Recent Soviet work on
computer techniques for representing
natural language meaning // *Informatics*.
1979. 5.
10. Beöthy E., Almann G. Das Piotrowski-
Gesetz und der Lehnwortschatz // *Zeitschrift f r Sprachwissenschaft*. 1982.
Bd. 1. Hf. 2.
11. Piotrowski R. G. Text—Computer —
Mensch. Bochum, 1984.
12. Hall R. A. Jr. Proto-Romance mor-
phology. Amsterdam, 1983.
13. Väänänen V. Preroman—protoroman—
latin vulgaire // *Neuphilologische Mit-
teilungen*. 1984. Bd. LXXXV. Hf. 1.
14. Piotrowski R. G., Bektaev K. B., Pio-
trowskaja A. A. Mathematische Lin-
guistik. Bochum, 1985.